

В НЕКОТОРОМ ЦАРСТВЕ

Пятьсот лет тому назад полей шторма в Белое море была заброшена английская торговая шхуна капитана Шанселлера. Село Архангельское, живописно расположенное в устье Северной Двины, привлекало внимание иноземца не белыми ночами и суровой красотой поморского пейзажа. Бородачи в лыковых лаптях по сходной цене отдавали купцу пушистые медвежьи шкуры, ворвань, деготь и мочалу, а также замечательную рыбу красного цвета.

Английские купцы отметили на картах новый источник обогащения и впоследствии стали плавать ко всем берегам бурного холодного моря.

Российские же торговые люди ленились забираться на дальний север. Только в середине девятнадцатого столетия учли выгоду колонизации берегов Белого моря.

Купец Савин приехал на Карельский берег с небольшим запасом слез, почерпнутых из пограничного справочника «Наши соседи», составленного А. Старчевским.

Чаще всего Савин говорил карелам, промышлявшим оленеводством и рыбной ловлей:

«Анна мивла шиви лавка и шиви торгунда», что означало: «Передай мне свою лавку и свою торговлю».

Вскоре Савин скупил все рыбные промыслы близ озера Кереть и оборудовал несколько парусных судов для перевозки рыбы в Архангельск. Зажил купец недурно. Рыбы в бухте было вдоволь. Кета, семга, сиг, беломорская семга. В просторной пятистенной избе купца вызывал восхищение и зависть рыбаков диковинный аппарат для кипячения воды. В середине аппарата была трубка для словых шипшек, а вокруг трубки в медном цилиндре бурлила вода, которую купцы и соловецкие монахи, покрывавая, пили, подкрасив черными листиками неизвестной китайской травы.

Одновременно с появлением в Белом море шхуны капитана Шанселлера рыбак Борис Коргуев поселился в безветренной бухте южнее Кандалакши и основал селение, назвав его Керетью, по имени близлежащего озера.

Судьбы купца Савина и потомка Коргуевых Матвея Михайловича Коргуева скрестились в 1893 году.

Вдова Коргуева работала на поденке купца Савина за пятнадцать копеек в день. Денег, конечно, не хватало, и семилетнему Мотыке пришлось несколько зим по миру в корзинке ходить, а летом рыба-

чить у крестьян. Ну, какой из него рыбак! Силенки едва хватят тоню завести. Зимой дрова пилил да возил на дровнях. А уж если олень рванет да тяж сорвет, то, бывало, дадут Мотыке «на колодку» как следует.

В восьмилетнем возрасте любопытного Мотыку потянуло проведать, что делается на свете, узнать, как и чем люди живут, и попросил он мамку послать его грамоте учиться.

— А на что тебе грамота? — строго спросила старуха. — Кормиться

М. Коргуев

ею не будешь, грамотой-то... Научит тебя поп кукушкой молитвы распевать!

Староверка Коргуева попоа не любила.

— Вот, послушай лучше сказку про попа, который трех мужиков на себя работать заставил.

А сказок вдова знала неисчислимое множество. Коргуевы все любили интересные истории послушать. Да порой и сами сочиняли всякие небылицы, впрочем, очень похожие на были. Даже руны знала Коргуева.

Когда Моте исполнилось тринадцать лет, мать попросила Савина взять мальчишку на судно, курсировавшее между Керетью и Архангельском, — поваренком упростила взять. Уж очень голодно жилось. Невзгоду стало хлебать тюрю да вместо чая богородицыну траву пить.

Кругом была глухомань непроходимая. Почту зимой на лошадях возили, а летом в мешках на спине

таскали. Тяжела эта работа была для мальчишки.

Поваренок Коргуев на паруснике «Сережа», помимо чистки картошки и мытья посуды, обязан был выполнять и матросскую работу. В девятибалльный осенний шторм, когда волны бросали с борта на борт утлое суденышко, груженное мукой и сушкой, и вся команда работала на палубе, убирая паруса, поваренку, как самому незначительному человеку на судне, полагалось лезть на мачту и убирать четвертый, самый высокий парус — брамсель.

Мотыка карабкался по шатающейся мачте к самому тикю, еле держась на выбленках.

Мальчика, привыкшего к шлепкам и сердитым окрикам десятников сплавных пунктов и мелких почтовых чиновников, удивила и заставила задуматься о душе человеческой грубоватая доброта матросов.

— Иди, иди, парень... Без тебя управимся!

Страшно было выдавшим виды матросам подвергать мальчишку смертельной опасности.

А после бури в кубрике он, затаив дыхание, ловил каждое слово страшных матросских рассказов о летающих рыбах и призраках.

Несколько лет плавал Мотыка на паруснике, всякой ломки повидал. Шторма и дрейф узнал. Тридцать три года проработал на рыбных промыслах и сплаве Матвей Михайлович Коргуев.

От муки из перемолотой сосновой коры часто болел рвотой. Рыбу потрошил — пальцы в кровь раздирали.

Во время войны решил пойти на постройку Мурманской железной дороги. Народу здесь повидал уйму. Всевозможные люди здесь бывали — и вятские, и новгородские, и сибиряки, и даже пленные австрийцы.

По вечерам, когда стихали окрики десятников, строители усаживались у полотна новой дороги и за табачком рассказывали самые невероятные истории.

Матвей слушал и, — тут сказался родовой талант семьи Коргуевых, — слово в слово все запоминал.

И потом, бывало, на плотничьих работах подведет живот от голода работникам, заскучают, задумаются, а Матвей и говорит:

— Ну, слушайте, сказку расскажу!

И слушали, затаив дыхание. Занимательно говорил Матвей.

Почту надо везти зимой в Кемь. Почтари да мужики злые. Мороз сорок восемь градусов, выгза щеки режет.

— Расскажи-ка, Матвей, сказку, пока коней запрягаем.

И опять Матвей рассказывает, а у почтарей и мужиков словно от сердца отойдет, улыбаются.

На прокладке дороги в Кандалакше повстречал Матвей такого Федора, по прозвищу Вятский, балагура да рассказчика. От него Матвей и услышал сказку о Францеле Венециане, и очень любили поморы, когда Матвей сначала поднимет глаза к небу, отчего сбегутся морщины на коричневом, обветренном лбу, ухватит в горсть правой руки бороду, откашляется и начнет тихим голосом:

— В Гишпанском королевстве
жил да был король Брамбеус...

Знал Коргуев всякие лесные приметы.

Муравейники с северной стороны обрастают, а с южной — копошатся. Все падуны по звуку за три версты различал. Без компаса бродил он по лесам, и ни разу не случилось ему заблудиться. Даже геологам тропы указывал. Жил он с природой лесной в тесной дружбе.

В лесных чащах Коргуев услышал и запомнил сказку о рыцаре «Золотые кудри». От карела Таппиева узнал он сказку об Иване Авдеевиче и перевел с карельского на русский язык несколько доселе неизвестных сказок.

Особенно любили рыбаки сказки про попов да богачей, а таких сказок Матвей рассказывал больше полусотни. Богач и поп перед глазами. Сказка сама рождается от горькой доли.

Когда у Матвея подросли дети, он стал брать их с собой на тоню. Был на островке у него амбарчик и печка. Кормил он ребятшек птичьими яйцами, а поездку на тоню приучивал к Николину дню, когда солнце на побережье почти не заходит, а чайки яйца каадут.

Сынишка — белоголовый мальчонек, который теперь в Красной Армии танкистом — требовал сказку. И Матвей, сидя на ветреном побережье, глядя на проходящие пароходы, рассказывал про «зиму на короммах», про блуждание двух друзей в мятель и вьюгу.

И вспомнился дед, работавший почтарем, вспомнилось, как сам он, Матвей, по озерам да жухлым лесным тропинкам ямщиком ездил с колокольцами.

Тут только и осенило, и мелькнуло в голове у Матвея, что сказки-то эти про крестьянское житье-бытье сложены.

«Зима на хоромах» — это и был входной дом — зимник для отдыха ямщиков.

Ясное северное лето проходило в работе и рассказах. Брал Матвей ужище да невод, багор в руки и шел на берег.

Когда возвращался в Кереть, ходил на итрайки да супрядки рассказывать сказки.

Вся изба затихала. Только нерпачий жир в сальничке на гвозде потрескивал, тускло освещая девушек, влязавших сети.

В 1919 году на Белом море появились английские крейсера. Англичане не позабыли о первом доходном плавании капитана Шанселлера. Уже очень богат был Северный край. И в Карелии одновременно подняли голову притаившиеся враги; бывшие купческие приказчики и регенты указывали белым, пришедшим вместе с англичанами, на потаенные медвежьи лого, где укрывались крестьяне от их насильственной мобилизации.

Коргуева также забрали и отправили в Кемь на охрану железной дороги, которую он сам когда-то строил. Но ефрейтор местной команды узнал от жителей, что «Мотыка Коргуев вралъ первостатейный», и не ведал посылать его в наряд.

— Будешь мне на ночь романы
сказывать, — приказал он.

И Коргуев рассказывал. Но ефрейтор быстро засыпал. Тогда Коргуев, сняв сапоги, прокрадывался в сени, а потом на задворки, где сидел с солдатами до петухов, рассказывая им все, что знал.

— А дальше что, дядя? — с раскрытым ртом восклицал солдат, если Коргуев, как того требовало повествование, делапа паузу и неторопливо свертывал цыгарку из табака, услужливо подвешенного слушателями.

— Не мешай. Сказка себя покажет, — сурово заявлял Коргуев, и его слушались больше, чем ефрейтора.

По утрам он уходит в лес. Во круг шумят могучие карельские падуны, стучат клювами о кору дятлы, токуют тетерева, и ведут нескончаемую песнь дергачи.

Коргуев работает. Он обдумывает новую сказку. Но он не может сесть к столу и записать ее. Он неграмотен и потому бродит по лесу, заучивая придуманные фразы, которые завтра превратятся в стройные повести о замечательных людях и случаях.

Здесь, среди кондовых мачтовых сосен, изукрашенных розовыми лучами северного солнца, трудно прозвучать фальшивому, невесомому слову.

— Не то, не то, — шепчет Коргуев, — другое нужно тут.

Он корректирует свои сказки устно и запоминает в самом удачном варианте.

Так создается сказка. Она рождается в сосновых перелесках, когда человек припоминает свою долгую, извилистую жизненную дорогу.

С неповторимой ясностью встают образы попутчиков, с которыми